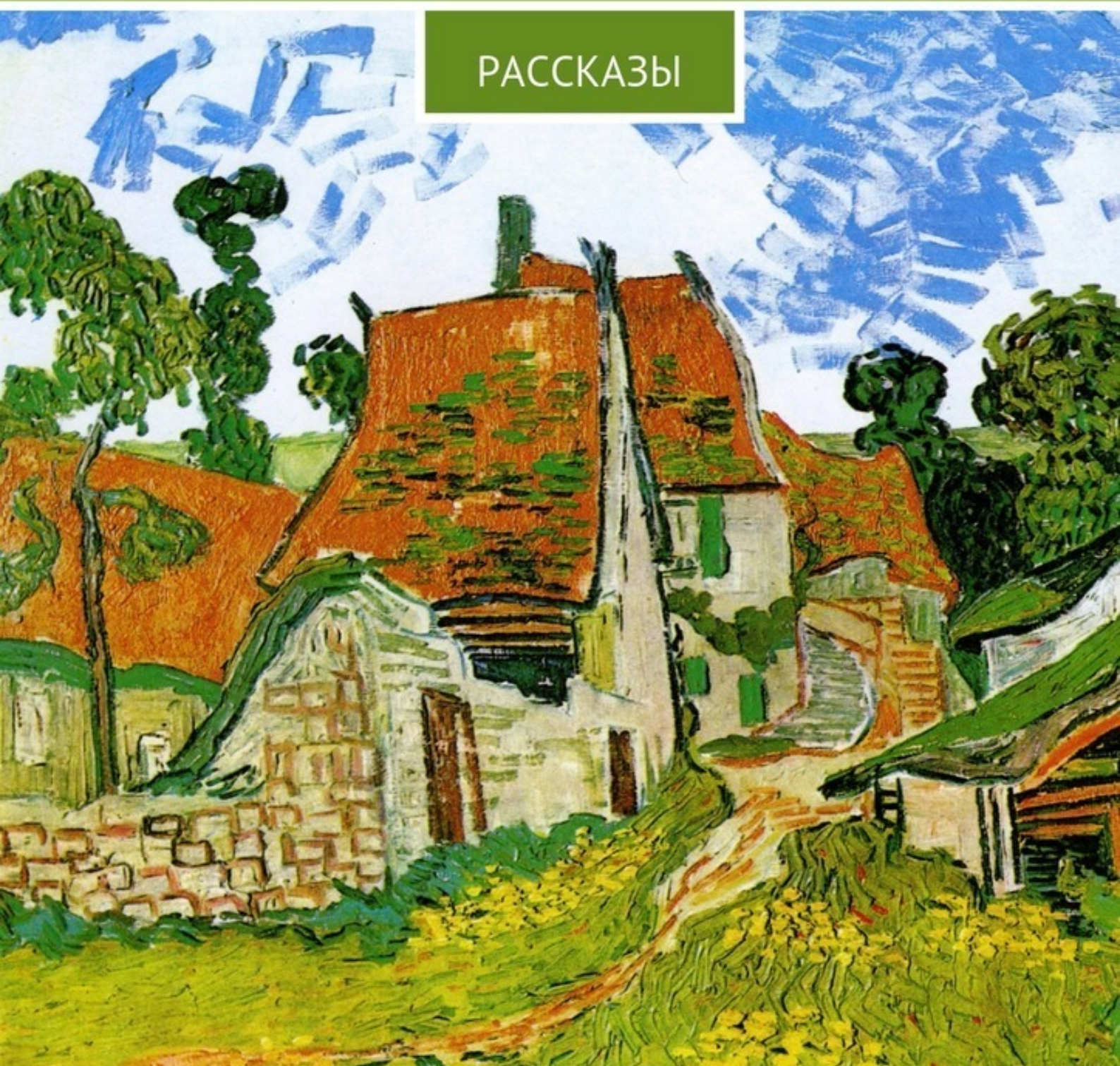

СВЕТЛАНА ВАЛЕЙНА

Подарки судьбы

РАССКАЗЫ

Светлана Валейна

Подарки судьбы. Рассказы

«Издательские решения»

Валейна С.

Подарки судьбы. Рассказы / С. Валейна — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836578-2

Первые семь рассказов были написаны к юбилейному дню рождения Василия Макаровича Шукшина, моего великого земляка, родившегося на Алтае. В 2009 году, к 80-летию В. М. Шукшина, весь Алтай готовился к этой круглой дате. Это был всеобщий порыв души — написать что-то в «шукшинском стиле». Так появились и были напечатаны в местных изданиях мои «Семь рассказов о земляках». «Простой язык», на котором в том числе писал Шукшин, понравился землякам.

ISBN 978-5-44-836578-2

© Валейна С.

© Издательские решения

Содержание

От автора. По следам калины красной...	6
Студентка	7
Памятник человеческим порокам	10
Алейск – центр Алтайского края	14
Письмо из Серебренниково	16
Двадцать два	18
Не городские люди	20
Один в поле воин	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Подарки судьбы Рассказы Светлана Валейна

© Светлана Валейна, 2017

ISBN 978-5-4483-6578-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора. По следам калины красной...

Алтайский край – родина наших современников, чьи имена известны не только России. Василий Шукшин, Роберт Рождественский, Михаил Евдокимов, Герман Титов, Михаил Калашников, Валерий Золотухин, Нина Усатова и многие другие земляки прославили Алтайскую землю.

Первые семь рассказов были написаны к юбилейному дню рождения Василия Макаровича Шукшина, моего великого земляка, родившегося на Алтае. В 2009 году, к 80-летию В. М. Шукшина весь Алтай готовился к этой круглой дате. Это был всеобщий порыв души, написать что-то в «шукшинском стиле». Так появились мои «Семь рассказов о земляках» и были напечатаны в местных изданиях. «Простой язык» понравился землякам, на котором в том числе писал Шукшин.

Псевдоним Валеина созвучен с названием моей родины на Алтае и той небольшой реки Алей, на которой стоит город. Алейск стал началом для моего творчества. Работая в журналистике, много писала очерков о людях, судьбы которых заслуживают литературного переосмысления. Живое общение с читателями показало, что им полюбили мои рассказы, порой и они становятся их главными героями. В этот сборник вошли мои лучшие рассказы, повествующие о житейских ситуациях, в которых оказываются люди.

Студентка

Ольга была похожа на большой мыльный пузырь – ткни ее в бок и она лопнет, вернее ее терпение должно было скоро лопнуть. Оно иссякло. И она изо всех сил уговаривала себя, что это ее последний школьный звонок и последняя школьная линейка, последний раз ей делают замечание, потому что крутит головой на все триста шестьдесят градусов.

– В общем, все в последний раз, все, что связано со школой, – успокаивала она себя, повторяя как молитву.

Она вспомнила об утреннем разговоре с мамой, которая просила быть посерьезней.

– Мне кажется, что ты никогда не повзрослеешь, а впереди именно взрослая жизнь, – говорила строго она.

– Не волнуйся, мам, я уже почти взрослая просто хочется последний разочек «выпустить пар» и побеситься, – засмеялась Оля, поцеловав маму.

Размышления «о серьезности» прервал ее сосед по парте Сашка Целюк, который почему-то, краснея, пытался передать записку.

– Да что ты мне суешь тут всякое, – хотела прошептать Ольга, но получилось довольно громко.

Все начали озираться и хихикать. Оля получила очередное замечание от классной «дамы» и обидное «дура» от соседа Сашки. Она поняла, что ее терпение лопнуло, но тут зазвенел последний звонок и все закричали «ура». Что-то вырвалось из груди Оли и она, ликуя от такого счастья, тоже закричала «ура». Впереди были выпускные экзамены и поступление в институт.

Шли сложные годы перестройки – время дефицита, талонов и гласности. Денег катастрофически не хватало, и чтобы как то выжить и прокормить их с братом мать бралась за любую работу – мыла полы в подъездах, готовила обеды коммерсантам и дежурила ночью в детском саду. Ольга и Алексей – ее дети погодки все понимали и жалели мать. Старший Алексей был серьезен не по годам. В школе его звали «Ольгин заступник». Он защищал сестру не только перед сверстниками, но и перед учителями. Ольга это знала и иногда «барзела», как выражалась их классная руководительница.

Оля была противоположностью Алексея – живая и на первый взгляд легкомысленная. Алексей помнил ее плачущей только на похоронах отца. Тогда они были подростками, когда погиб их отец. Он нырнул с большой высоты в реку и, сломав позвоночник, не мог выбраться на берег.

Так в тринадцать лет для Алексея началась взрослая жизнь. По вечерам с матерью убирал подъезды, а на летних каникулах работал на местном хлебозаводе. Они с матерью старались как можно дольше продлить детство Ольге.

В те годы появились первые коммерческие ларьки, где торговали всякой мелочью. Алексей видел, что этот бизнес процветал и быстро развивался. Он решил, что после школы обязательно откроет такой ларек, чтобы учить сестру и помогать матери. Мать уговаривала поступить в институт, но парень стоял на своем.

– Зачем мне этот институт? Со временем заочно окончу, это не проблема. Не могу отказаться от предложения друга. Выкупим на паях маленький павильон и вперед, – раскрывал свои планы Алексей. Но его замысел нарушил осенний призыв в армию.

Ольга долго выслушивала назидания брата при прощании и утвердительно кивала головой.

– Я знаю, что ты все сделаешь по-своему. Но послушай меня, никогда не обижай мать и будь уже, наконец, серьезной, хватит детства. Ну а если кто тебя будет обижать, напишешь. Вернусь с армии, всем достанется по первое число, – кричал Алексей уже из автобуса.

Но сейчас меньше всего Ольге хотелось быть серьезной. Она чувствовала, что стоит на пороге новой и взрослой жизни. Что-то бесследно уходило прочь. Она не в состоянии была задержать это что-то, чего больше никогда не будет. Ольга боялась новой жизни, но понимала что это неизбежность. Легко приняла профессию юрист, которую выбрала для нее мама и также легко поступила в государственный ВУЗ.

– Именно государственный, а то сейчас коммерческих развелось как собак нерезанных, – утвердительно кивала головой мать.

Оставшееся лето пролетело незаметно, и вот уже Ольга ехала в совхоз на картошку со своими однокурсниками. На картошке она познакомилась с Андреем, который ходил за ней как приклеенный и смотрел влюбленными глазами. Новоявленные студенты тайком выпивали тогда запрещенный «сухим законом» самогон и закусывали свежим душистым салом, которое раздобыли в деревне, и конечно печеной на костре картошкой. Потом орали песни и «шарахались», как сами это называли всю ночь. Утром спали на ходу, похмелялись огуречным рассолом и шли на поле.

Еще по-летнему пригревало солнце и бил в ноздри запах убранной картофельной ботвы и каких-то приторно-сладких запоздалых цветов. Ольга обожала этот запах. Так пахли бархатцы.

– Точно, бархатцы, – вдохнула она полной грудью воздух. Ей не хотелось возвращаться в незнакомый город, суматошный и еще пока непонятный. Она с детства привыкла к деревне, куда ездила на летние каникулы, к земле и размеренной жизни в маленькой провинциальной городке.

Но к удивлению Ольги все пошло как по маслу. Она быстро втянулась, и ей не было уже так страшно и одиноко в большом городе. Все деньги и продукты, которые привезла из дома, быстро закончились. Они «испарялись» на глазах, либо поглощались соседками по комнате.

– Общага она и называется общагой, потому что здесь все общее, – давали назидание девчонки по комнате.

Ольгу подселили к трем старшекурсницам, которые казалось, никакого отношения к институту не имели. Двое из них работали в частной фирме, у третьей была несчастная любовь и в депрессии она проводила целый день в постели, читая любовные романы. Прерываясь от любимого занятия, она постоянно что-то жевала или ходила в курилку для «расслабления». И лишь только сессия была для них законным основанием ходить в институт и говорить об учебе. Соседки часто посмеивались над Ольгой и ее рвением к учебе.

– Ничего, к концу учебного года охотка спадет. Мы тоже такими были.

– Вы никогда не сможете меня понять, где вам, – злилась Ольга. – Я ведь стараюсь не только для себя, но и для мамы, которая пашет на нескольких работах, чтобы я училась.

– Так вот и мы про то же. Ты должна себя содержать и учить, а не мама, – язвительно заметила самая старшая Ирка. – А ты вон, пошла в магазин – фук-фук, накупила всякой ерунды и денежки мамкины канули неизвестно куда, – махала Ира руками. – Так хоть на десяти работах паши, у тебя ветер в карманах гулять будет, – строго сделала она замечание Ольге.

Ольга обиженно пожала плечами, надула губки и уткнулась в книгу, стараясь не вступать в полемику.

– Так вот. Есть работа на рынке. Пока будешь работать по выходным, мясом торговать, – по-деловому предложила Ира.

Ольга хотела отказаться. Она не представляла, как это вообще можно стоять за прилавком. Но обвинения Иры глубоко затронули и ранили девичье сердце. Ей было обидно быть транжирой и балластом у мамы, и Ольга утвердительно кивнула.

Ольга понимала, что всегда была слаба в финансах, в школе по математике с большой натяжкой ставили тройку, надеясь, что она не свяжет свою жизнь с этой сферой. Она понимала, что и сейчас ничего не изменилось, так в первую же субботу своей торговли проторговалась на кругленькую сумму. Душила обида, болели ноги от усталости, но ей меньше всего хотелось идти в общагу. Утром она пообещала девчонкам, что принесет немного «свеженинки». Но остались одни кости, которые хозяйка забрала своим собакам. В этом городе ей было некуда идти. Андрей каждые выходные ездил домой, потому что болел отец, и он помогал семье, чем мог.

– Так я и знала, что проторгуешься, – победоносно заявила Ирка. – Ну, ничего, завтра будет полегче и со временем недовостача перекроется.

– Не пойду я, не хочу больше заниматься делом, которое не нравится, – заупрямилась Ольга и с разбегу бросила на свою кровать. Она уткнулась лицом в подушку, хотелось плакать, но ничего не получалось.

– Ладно, – вздохнула Ирка. – Утро вечера мудренее, как говорится. Я тебя в это дело втянула, сама и распутаю. Завтра вместе пойдем торговать. Надо же хотя бы недовостачу отработать, – успокаивала она Олю.

На следующее утро девушки отправились на рынок. Ира бойко зазывала покупателей, которых и так было хоть отбавляй.

– Вот видишь, мы с тобой еще и в наваре остались, – улыбнулась Ира, когда они уже ужинали. – Может, останешься? Будешь жить с такой работенкой пан королю и сват министру, – подшучивала она над Ольгой.

Но Ольга решительно замотала головой.

– Пойду пока дворником, а там видно будет, – ответила она Ире.

Ольга будет мыть подъезды, и убирать двор, пока не придет из армии брат. Алексей займется своим маленьким бизнесом, которым и планировал. На последнем курсе Ольга выскочит замуж за однокурсника Андрея. После института она привезет его в свой маленький городок, где осталось ее детство, и который снился ей все пять студенческих лет.

Июнь, 2009 г.

Памятник человеческим порокам

Злой человек похож на уголь: если не жжет, то чернит тебя. Анахарсис

Эта история произошла в одном из провинциальных городков, каких по России тысячи. Жили два соседа один Василий, а через стенку Дмитрий. И вроде бы неплохо жили по тем до перестроечных временам, равно. Никто сильно не выпячивался, да особо и нечем было разжиться то. Ходили, друг к другу в гости. Хвалились кто чем: кто по знакомству ковер новый достал, кто дневник сына или дочки показывал. Успехи, дескать, налицо. Жены Василия и Дмитрия обменивались рецептами блюд, да здешними сплетнями. Работали вместе, отдыхали тоже семьями. Дмитрий работал начальником, а Василий его замом.

Все бы ничего, но тут перестройка началась. Была объявлена гласность и демократия, появились ниоткуда доморощенные коммерсанты, а на смену застойной экономики пришла рыночная. От этого обилия люди бросались из стороны в сторону и, в конечном счете, друг на друга. Наши соседи тоже менялись, как говорится «в ногу со временем». Ссориться начали по пустякам – то жены что-то не поделили, то сами в каких-то вопросах не сошлись.

А тут Василий как нарочно автомобиль приобрел – старый, намотавший тысячи километров «шиньон».

– Это что ж получается, Васька на этом «шиньоне» и коммерцией может заняться, и в лес, и по дрова, – «пилила» Дмитрия его жена Люся.

– Уймись, какая коммерция, он мой заместитель. Кто ему позволит двумя делами сразу заниматься? – ответил ей муж.

– Да ты и позволишь. Ты же у нас добренький. Закрываешь глаза на то, что он у тебя из подноса ворует, – распалялась все больше Люся.

– Ты говори, да не заговаривайся. У меня никто не забалует. Да и знаю я Василия уже давно как свои пять пальцев.

– Знает он. А откуда у них деньги на машину? – не унималась жена. – Ты больше его получаешь, а такого позволить не можешь. А посмотри, как жена с дочерью одеваются. Ходят как крали разодетые, – язвительно заметила Люся.

– Ты к чему этот разговор завела? – не выдержал Дмитрий.

– Надо его помаленьку столкнуть с этого теплого местечка. Пусть с женушкой своей на одну зарплату проживут. Она медичка, получает копейки по сравнению с мужем, – «шипела» Люська. – Победствую, может и спесь спадет. Тогда и возьмешь обратно, если конечно зама толкового не подыщешь. А то больно заносчивые, да гордые стали, – добавила она, утвердительно кивая головой.

Дмитрий не сразу послушал свою жену, но занудство и упрямство Люси сделали свое дело. Она всколыхнула в нем те чувства, которые он прятал где-то внутри себя много лет. Он не мог их выпустить наружу из-за своего служебного положения. Дмитрий боялся, что люди будут показывать на него пальцем и говорить гадости. А он хотел быть обязательно положительным, кругленьким, чистым и по возможности еще людям в глаза прямо смотреть. По этим же причинам Дмитрий не мог так просто уволить Василия. Как не старался Дмитрий, но руководитель с него был никакой – с ленцой малый, любил выпить и покутить. Было время, когда Дмитрий держался, как говорится «на волоске» и Василий вполне мог заменить его. Поэтому к его опасениям и страхам прибавлялся еще один – он может потерять должность, которой так дорожит и досталась она ему благодаря связям жены. Это был серьезный и решающий аргумент, чтобы устранить соперника.

– Надо посоветоваться с Люськой. По поводу подстраивания подлянок и гадостей она у меня впереди всех, – зло усмехнулся про себя Дмитрий.

– Не волнуйся, дорогой, я уже все придумала, – «пропела» жена. – Я ведь ночи напролет не сплю, о благополучии нашем думаю.

– Да уж, ты у меня мастерица думы думать. Если бы не ты я никогда бы этой должности не получил, – подбодрил ее муж

– Конечно, силенок у тебя маловато для руководителя, – согласилась Люся. – Если б не этот растюхляй Васька, то не удержался ты на этом месте, – засмеялась она и продолжила:

– Так вот Васька отпахал свое, теперь тебе нужен новый зам, который в рот бы заглядывал и пылинки сдувал. Молодой, да чтоб с высшим образованием, а не этот недоучка с техникумом.

– Что ты предлагаешь? – нетерпеливо спросил Дмитрий.

– Напишем на него анонимку в ГЛАВК. А там пока будут разбираться, ты ему заявление об увольнении подмахнешь. Я помогу, чем смогу, свою подругу, профкомшу подключу, – взхлеб с горящими глазами тараторила Люся.

В какой-то момент Дмитрию показалось, что его жена выжила из ума или ведьма, – сделал он про себя вывод.

– Что соседи такого сделали, что ты их так ненавидишь? – осторожно спросил он у жены.

– А чего мне их любить? Сами себе улыбаются, счастливы так сказать..... – начала Люся и осеклась, заскрежетав зубами. – Это мое дело..... личное.....не хочу говорить. Не люблю я их и все тут, – произнесла она со злобой.

– Хорошо, анонимка, так анонимка, твоя взяла, – вздохнул Дмитрий.

– Я вот тут набросала, – протянула лист бумаги с торжественным видом Люся.

– Точно ведьма, – опешил Дмитрий и начал читать текст доноса. Он все больше и больше хмурился, потом дочитав, сделал вывод: – Во времена Сталина за такое расстреляли бы. Да и в наше время могут посадить. Ты не боишься, что и нас «потянут» за эту ниточку? – обеспокоился Дмитрий.

– Нас-то за что? Мы авто не покупаем. Вот пусть и спросят, где Васька взял такие деньжищи, – злорадно усмехнулась жена.

Дмитрий покачал головой, но спорить с женой не стал. Он знал, что это бесполезно. Если что задумала, то доведет до победного конца. В общем, анонимка ушла в вышестоящую организацию. Разбирательства были тогда не шуточные, и Василий вынужден был уволиться с работы.

– Молодец, Димка. У тебя прямо талант сухим из воды выходить. Думала, что и нам достанется, – ликующим тоном произнесла Люся.

– Я тебя предупреждал. Какую кашу заварила. Еле выкрутился, – выговаривал ей муж.

– Ничего, главное цель достигнута.

– Люсь, как мы теперь с соседями жить будем? – тихо спросил муж.

– А никак. Мы их не знаем. Я даже здороваться не буду, и ты не смотри в их сторону. Что с такими якшаться. Зачем они теперь нам нужны? А не нравится им такое соседство, пусть переезжают куда подальше, – разошлась в своем ораторстве Люська.

Для семьи Василия наступили трудные времена. Он вспоминал, как выдержал все лживые обвинения в свой адрес. Как сидел в кабинете ГЛАВКа и пытался доказать, что он честный человек и деньги на автомобиль дал взаймы тесть. Василий так расстроился, что слег и ночью у него случился инфаркт.

– Так им и надо, – злорадствовала Люська. – Надоела эта семейка ненормальных.

– Сама ты ненормальная, – закричал на нее Дмитрий. – В тебе хоть что-то человеческое осталось?

– Осталось, дорогой. Только к тебе и нашему сыну. Я ведь живу в отличие от тебя для семьи и все делаю только для ее блага, – с чувством произнесла Люся.

– Нельзя во имя чего бы то ни было делать людям гадости, – поморщился Дмитрий.

– Так, протянула Люся. – Значит, я и гадости. Ты сам этого хотел, между прочим. Если бы не ты его, так он тебя в скором времени сожрал, все к этому шло, – кричала она. – Ты вспомни, как эта должность тебе досталась. Поэтому, давай не будем говорить, что тебя замучила совесть. Жить надо, Дима и бороться за «место под солнцем». Вот этими руками уничтожать всех, кто путается под ногами. Так все успешные и богатые делают, – подытожила свою «речь» Люся.

– Какие мы с тобой успешные и богатые? Я ведь всего лишь чиновник среднего ранга. Где я заработаю на наше с тобой богатство? – погрустнел Дмитрий.

– Мухлевать надо учиться, взятки брать. У тебя не должность, а Клондайк. Придумаем что-нибудь, – подбодрила его жена.

Прошел год, как Василий ушел со службы. Жили по-всякому. Иногда и хлеба не на что было купить. Но семья вопреки всем испытаниям и унижениям не торопилась расставаться со своим домом.

– Что это они за этот дом уцепились? – не унималась жена Дмитрия. – Взяли бы квартиру поменьше с их доходами то.

– Опять ты за свое, – злился Дмитрий.

– Нам с тобой заработанные деньги надо вкладывать – крышу сделаем красивую, сайдинг, пластиковые окна, – по-деловому рассуждала Люся.

– Конечно, сделаем. Все как у людей будет, – утвердительно покачал головой Дмитрий.

– Но дом, то один у нас с ними, – возразила Люся. – Представляешь половина дома «крутая», а другая убогая. Где это видано, чтобы богатые с бедными через стенку жили. Нигде в мире такого нет, – усмехнулась Люся.

– Что ты предлагаешь? – нервничая, спросил муж.

– Я предлагаю выжить их отсюда. Пусть катятся ко всем чертям, – злобно ответила Люська.

– Ты чего надумала? Я больше в эти игры не играю, – с опаской в голосе произнес муж.

– А тебе не предлагаю. Я сама все сделаю. Ты у меня мягкотелый и трусливый чтобы на такое решиться.

– Люська, я тебя прошу, – взмолился муж.

– Хорошо, не буду, – присмирела Люся. – Только когда начнется перестройка дома, они сами уйдут. Нервы нужно крепкие иметь, чтобы выдержать такой грохот каждый день.

В течение нескольких месяцев строители долбили стены, сверлили потолок. Выбивали оконные и дверные проемы. Действительно, зрелище не для слабонервных. В один из таких дней сердце Василия не выдержало обид и унижений. Он скончался быстро и незаметно в этой повседневной суете.

В одном из провинциальных городков стоит дом, где одна сторона «с евроремонтом», другая без него. Он уродлив и со стороны выглядит смешным и нелепым. Кто не проходит мимо останавливается и удивляется такому виду. Местные жители называли его про себя «памятником человеческим порокам».

Дети Василия несколько раз пытались продать свою половину, но желающих почему-то не нашлось. Но Люся не теряла надежды, что когда-нибудь у нее появятся «путевые» и «достойные» соседи. А пока регулярно посещала знахарку-колдунью, которая как считала Люся, наводит порчу на соседей.

– Эту семейку никакой мор не берет, – злилась она. – Ничего, скоро у меня на одни таблетки будете работать.

От такого сотрясения воздуха, у нее начала кружиться голова.

– Силы уж не те, – сказала она мужу и села на диван.

– Да угомонись, наконец. Хватит уже. От этой твоей ненависти никому лучше не стало – ни тебе, ни людям. Смотри, уже высохла то как, кило на пятнадцать похудела, – отчитал ее муж.

– Наверное, рак уж завелся, – осторожно предположила Люся и побледнела.

– Дай соседям спокойно пожить после всех испытаний.

– Хорошо, будь, по-вашему. Дети тоже меня пилят, чтобы я отмякла. Надо им сказать, чтобы здоровались с соседями, а то как-то не по-людски, – согласилась Люся.

В том же году Люся скорпостижно скончалась. Как говорят «рак съел». А дети Василия наконец-то нашли покупателя на свою половину дома и наверняка он скоро преобразится. Ведь он не заслуживает участи «памятника человеческим порокам».

Май, 2009 г.

Алейск – центр Алтайского края

Лариску за «примерное поведение» отправляли на учебу в Москву. Она долго отбрыкивалась и говорила, что ей целый месяц будут «мозги парить» и «по ушам ездить», но все – таки согласилась под давлением быть уволенной без суда и следствия. Страх и любопытство смешались в голове, и Лара никак не могла понять что сильнее. С одной стороны она очень хотела увидеть Москву и побывать на Красной Площади, а с другой – паника. Лариса боялась этой самой Москвы как чего-то неизведанного, полного опасностей и преград. На работе все над ней подшучивали и намеренно припугивали разными небылицами.

– Я вчера криминальную хронику по телевизору смотрела. В Москве маньяк завелся. Ходит по вокзалам и высматривает очередную жертву, – с усмешкой рассказывала сотрудница Люся.

– А я читала, что «барсеточника» поймали на Казанском, – внесла свою «лепту» другая сотрудница.

Лариса притворилась, что эти новости ничуть не тронули, хотя у самой ныло сердце, и она с тоской посмотрела в окно.

– Будь что будет. Авось, все обойдется, – решила она про себя и принялась за работу.

И действительно, все пошло не так трагично, как она себе нагородила в своих черных мыслях. В Москве Лариса быстро освоилась и даже осмелела. На занятиях вступала в дискуссию с преподавателями по тому или иному вопросу, съездила на Красную Площадь, пару раз была в театре, а все остальное время занимали магазины. Она быстро изучала улицы по названию магазинов, заходила в дорогие бутики и мерила одежду известных марок. Лара крутилась у зеркала, как бы невзначай подносила к своему любопытному носу ценник с цифрами, напоминающими номера мобильных телефонов, тяжело вздыхала и удалялась прочь. Дурное настроение Лары длилось примерно пять-десять минут, так как вокруг было столько интересного. И что ей до этих тряпок? Не стоят они ее нервов. Поэтому все моментально забывалось.

Лариса подружилась со всеми студентами и преподавателями. Особенно ее забавляла молоденькая аспирантка Лиля. Когда девушка заполняла анкетные данные Ларисы, дошли до графы «Населенный пункт». Лиля никак не могла произнести слово «Алейск», как будто ее парализовало. И, в конце концов, она прочла слово по буквам «А-л-е-й-ск», и почему-то покраснела.

– Правильно? – вопросительно посмотрела Лиля.

У Ларисы все закипело внутри. Ее так и подмывало накричать на эту грамотейку-аспирантку, которая читать то не научилась. Но она сдержалась и решила немного разыграть девушку. И Лариса как можно спокойнее стала объяснять «бестолковой», что такое Алейск.

– В нашей необъятной России есть край, который называется Алтайский. Хлебушек кушаете? – заигрывающим тоном спросила Лариса.

Девушка кивнула и с любопытством посмотрела на свою собеседницу.

– Так вот Алтай дает стране больше половины запасов пшеницы, которые ей нужны. А какие у нас сыры! А какой мед! Таких в Москве и не покушаешь! – Лариса чувствовала, что ее «уносит», но уже не могла остановиться. Она не заметила, что кроме Лили за ней наблюдают еще десяток-другой «благодарных зрителей».

– И совсем у нас не холодно, как думают про Сибирь. Алтай называют «Сибирской Кубанью» и с успехом выращивают виноград и абрикосы. У нас есть горы и равнины – плоские как блюдце, засеянные пшеницей. И медведи у нас не ходят по улицам, как многие москвичи себе представляют.

Лариса перевела дух и тут только увидела столпившихся «несчастных», которые ни разу не были на Алтае.

– Так вот в самом центре Алтая и располагается Алейск. Можно сказать, что это сердце Алтайского края, – с гордостью заявила Лариса.

– А я почему-то думал, что центр Алтайского края город Барнаул, – неуверенно возразил мужчина из «слушателей».

– Я имею ввиду по географическому положению, – прервала его Лариса.

– А почему он называется Алейск? – спросила Лиля, стараясь загладить свою вину за свое произношение.

– Недалеко от города протекает река Алей. Так и город называли когда-то.

– А город большой? – спросил все тот же мужчина – «слушатель».

– Не очень большой, но чистый и уютный.

– Сколько жителей? – ухмыльнулся он.

– Шестьдесят тысяч, Вас устроит? – бросила ему в лицо Лариса.

– Я что, я просто спросил, – пожал плечами мужчина, чувствуя на себе тяжелый взгляд Ларисы.

Лариса не знала, сколько тысяч жителей в Алейске и конечно сильно приврала, но так не хотелось ударить лицом в грязь перед этим московским нахалом.

– А вы знаете, что у нас недавно самый большой ребенок в России родился? Нет? Тогда я вам сейчас все расскажу, – и Лариса с присущим ей рвением рассказала о рождении малыша в многодетной семье Халиных.

Лара еще долго удивляла собравшихся своими рассказами о городе и крае. Она это делала с таким задором и огоньком, что каждому захотелось своими глазами увидеть Алейск.

К концу обучения Ларисы уже весь институт знал, что она из Алейска и ни на секунду не сомневался, что этот городок центр Алтайского края.

Июнь, 2009 г.

Письмо из Серебренниково

Серебренка – так по-простому называют это село старики. Оно затерялось на бескрайних просторах благодатной земли под названием Алтай. Уже из старожил никто толком и не знает, откуда появилось это название, а молодежи и подавно это не нужно. Осталось дворов пятнадцать с натяжкой.

– Так глядишь, мы повымрем как мамонты, и лес деревню сожрет, – негодует дед Федор. – Нодобноть что-то решать, сил уже нету на все это смотреть.

Вечером собрался «совет старейшин».

– Давайте, бабоньки подумаем, как свою деревню спасти, – произнес озабоченно дед Федор.

– Ты че ето к бабам только обращаешься? А мужиков то че нету? – обиделся дед Афоня.

– Не обижайся, Афоня. У баб то фантазия лучше работает, – стал оправдываться дед Николай.

– Да где ето их фантазия? Може, когда-то и была. А счас че? Деградируют бабки то помаленьку, – усмехнулся дед Афоня.

– Ты говори, да не заговаривайся, умник, – возмутилась баба Маша. – Слава Богу, начальная школа еще есть. Так что спросим у Анны, она учительница и молодая ешо, – бабушка Маша кивнула на женщину средних лет.

– Почему вы думаете, что село умирает? К нам несколько семей из Казахстана переехали. Потом ребятишки из городских школ в летний лагерь едут, много отдыхающих летом, ведь все-таки чистый воздух, природа, – эмоционально говорила Анна.

– Природа, природа, – передразнил ее дед Афоня. – Одной природой сыт не будешь. Вот ты, поди, мечтаешь в город податься? – хитро прищурясь спросил он у Анны.

– Да Вы что, дед Афоня? Я здесь родилась и выросла. Такой природы сейчас днем с огнем не сыщешь – бор у нас прекрасный, а озеро, оно просто уникально.

– Тьфу ты, я ей стрижено, а она мне брито, опять про природу, – разозлился дед Афоня. – Нас не будет, и озеро зарастет, и некому будет смотреть на эту красоту.

– Ты чего женщину терроризируешь, Афоня? – не выдержал дед Федор. – Она права природа у нас уникальная и Серебренка должна жить поживать и добра наживать. Пока есть школа, да хлеб сеем и убираем. Будем держаться, – утвердительно качнул головой дед Федор.

– Правильно Федор Николаевич рассуждаешь. У нас крепкий фермер на селе есть, не пропадем, – подбодрила его баба Маня.

– А давайте письмо Президенту напишем, – восторженно воскликнул дед Афоня. – Мол, так и так, спасите, караул, вымираем как мамонты.

– Ты че дед, белены объелся? – засмеялась баба Маша. – У Президента делов нету, как Серебренку спасти.

– А можно на сайт к нему зайти, – оживилась Анна.

– Че й то? А? Че за сад.....? – открыл рот от удивления дед Афоня, чем вызвал всеобщий смех.

– Телевизер не смотришь, старый пень. Ето у них в городе какая-то паутина, кажись Иртернет называются, – комментировала гордо баба Маша.

– Че й то?

– Интернет, – поправила Анна. – Это такая связь беспроводная, – объясняла она, пока дед Афоня выходил из транса.

– Н-е-е-т. Никаким Иртернетом ихним не будем пользоваться. Это все равно в город ехать, – перебил ее дед Федор.

– Я предлагаю. Пригласим фермера. Он мужик толковый. Он и скажет что нужно, чтобы Серебренка жива была.

– А ты сам- то не знаешь? – огрызнулся дед Афоня.

– Сделать хотя бы дорогу, да почту, и село заживет, – предложил фермер Иван, который с интересом наблюдал за этим «вече».

– Да кто вам через степь дорогу построит? Вы много чего хотите, – не унимался дед Афоня.

– Так, этого артиста надо убрать отсюда. От него толку никакого, – кивнула баба Маша на деда Афоню. – Он как клоп – его тронешь, он завоняет.

– Ишь толковая, сидит. Я предложил письмо Президенту написать. А ты чего предложила?

– Хорошо, – согласился дед Федор. – Иван дело предлагает. Попросим дорогу и почту.

– Пусть еще в медпункт лекарства привезут, – стали выкрикивать с мест бабушки.

Так и решили. Всем скопом написали письмо, указав три «глобальные» Серебренниковские проблемы. Долго обсуждали, как правильно сформулировать их просьбы. Потом дед Афоня сбегал домой за конвертом и аккуратно вложил туда письмо.

– Теперича, говорите адрес, записываю, – произнес он серьезным видом.

– Так. ... Точно и не скажешь, – почесал затылок фермер Иван.

– Э-э-х вы! Грамотеи! Цельный вечер здесь затратили. Адреса они не знают! – сокрушался дед Афоня.

Потом покрутив в руках немного ручку, подписал: «г. Москва. Кремль. Президенту России». В обратном адресе сделал надпись: «Письмо из Серебренниково».

– Завтра попутка в город поедет, и передам, – с важностью заявил дед Афоня и удалился восвояси.

Остальные тоже стали расходиться по домам, обсуждая события вечера и строя планы.

Июнь, 2009 г.

Двадцать два

Лене снился сон, будто шла по созревшему полю. Оно настолько необъятно, что, кажется, желтая пшеница сливалась с синим небом. Было неопишимо легко и казалось еще немного, и легкий ветерок поднимет ее к этому небу и унесет вдаль.

Этот сладкий сон прервал голос мамы. Лена потянулась и вдохнула вкусный запах выпечки.

– Вот он хлебушек-то. Думаю к чему мне этот сон с пшеничным полем. А тут такой аромат, – улыбнулась Лена маме.

– Сегодня в четыре утра стала. Как же все наши соберутся. Семья то немалая, аж двадцать два человека будет. Зятя, невестки, внуки, знаешь ведь, каждому надо угодить.

– Бедная ты моя, достается тебе. Всю жизнь как каторжная на ферме и дома. Нас пятеро, обстирай, да наготовь, попробуй, – говорила с нежностью Лена.

– Я то что, – вздохнула мать. – Хоть и работала, но с твоим отцом счастлива была. Многие в деревне завидовали нам. Как говорят «ни клята, ни мята». Твой отец не то, что руку, голос на меня никогда не повышал. Меня беспокоит другое, – немного замялась мать.

– Что-то болит, мам? – обеспокоенно спросила Лена.

– Нет, терпимо пока. Все о тебе думаю. Одна ты у меня не определена. Уж перед соседями неудобно, спрашивают ведь. Не вышла замуж, мол, в городе? В городе, дескать, женихов хоть отбавляй, а твоя все в девках ходит. Уже годки поджимают.

Лена засмеялась и обняла мать. – Мам я встречаюсь с одним человеком. Все у нас хорошо. Думаем, к осени поженимся.

– Хорош хлопец?

– Скоро увидишь. К торжеству обещал приехать, – загадочно улыбнулась Лена.

– Доброе дело. Пусть приезжает, рады будем, – засуетилась мать.

В дверь постучали.

– Мам, я открою, – вскочила Лена и через минуту очутилась возле порога. Открыв дверь, Лена увидела маленькую смуглую женщину с макияжем и с красиво уложенной прической.

– Я Анна, здравствуйте, – протянула руку незнакомка и, не дождавшись ответа, продолжила: – Мне нужна Софья Петровна, приехала делать о ней репортаж.

– Все понятно, – кивнула Лена и позвала маму.

– Да что рассказывать то, – смущенно теребила платок Софья Петровна, усаживаясь перед журналисткой.

– Так все расскажите, с самого начала. Ведь с мужем полвека были вместе, пятерых детей воспитали, – улыбнулась в ответ Анна.

– Ой, да как все жили, так и мы. Муж у меня фронтовик, всю войну прошел на своих двоих ноженьках, в пехотных войсках служил. Целину поднимали, в колхозе работали с утра до ночи. Я дояркой почитай с пятнадцати лет. Вон видите, какие руки, – кивнула Софья Петровна и показала свои сухие и мозолистые руки. – А ноги совсем страшно показать. И зимой и летом в резиновых сапогах на босу ногу. Где ж оно теперь здоровье то? Нету его..... – вздохнула, задумчиво глядя вдаль мать Лены.

– Софья Петровна, расскажите немного о детях, – прервала раздумье Анна.

Та заулыбалась и оживилась.

– Все пятеро счастливы, при деле. А как же. Иначе и быть не может. Мы ведь с мужем были счастливы, а дети чем хуже? Вот Леночка моя, учительница, детишек учит. Старшенькой на Севере, морской офицер, как и мечтал. Да что ж это я, сейчас фотокарточку принесу, – засуетилась Софья Петровна.

Через минуту она, сияя от счастья с торжественным видом, внесла большую фотографию, где было запечатлено все семейство. Софья Петровна аккуратно положила ее на стол, любуясь как на икону.

– Вот. Еще дед мой живой был, все тут, и дети, и внуки. Почитай уж года два этой фотокарточке.

Еще долго Софья Петровна рассказывала журналистке о сложившихся судьбах ее детей и внуков. А вечером собралась вся ее семья, целых двадцать два человека. Нет, обманула двадцать три, потому что у Лены появился еще один близкий человек, с которым надеется прожить всю жизнь.

– Дай Бог, чтобы у вас все сложилось. Добрый человек, мне он понравился, – подбадривала ее мать.

Гости стали наперебой просить Софью Петровну сказать тост.

– Все что на этом свете хотела, сделано. Дай Бог каждому такую жизнь прожить – и сложную, и интересную, порой полную трагизма и отчаянья. Но в этой жизни была Любовь, которую мы с вашим отцом пронесли до конца его жизни, – говорила, волнуясь, Софья Петровна.

– Я завещаю вам, мои дорогие любить и быть любимыми, потому что нет на свете большего счастья. Что бы не происходило, держитесь друг за друга, потому что вы одна семья, родственные души, – Софья Петровна под «всеобщее молчание» выпила залпом бокал вина.

Все гости немного придя в себя, заулыбались и стали разговаривать друг с другом. Софья Петровна, сидя во главе стола, любовалась этой «идиллией». Потом затянула:

– Что стоишь, качаясь, тонкая рябина.....

Ее красивый и звонкий голос разносился по всей деревне. Гости подпевали. Всем было хорошо и уютно в этом доме, где родились и выросли. Каждый думал о своем, но обязательно, как считалось, о главном в этой жизни – о любви.

Вечер удался, напелись и натапцевались. Когда встречаются вместе двадцать два человека, скучно точно не бывает.

Июнь, 2009 г.

Не городские люди

После нескольких месяцев мытарств и скитаний в Барнауле, Леня вернулся в свой родной Алейск. Краевой центр произвел на него неизгладимое впечатление, и полный разочарований, он дня два ни с кем не разговаривал, а только ел и спал.

– Как будто с плену, какого-то вырвался, – качала головой мать. Она не узнавала когда то настырного и веселого сына.

– Не знаю, что и случилось. Может, поругался с кем. Боюсь спросить. И про деньги молчит, – делилась мать своим горем с соседкой.

– Да, плакали денежки-то. Небось, все сбережения свои отдала, когда Леньку в Барнаул отправляла? – с сочувствием спросила соседка.

– Почти полгода его не было. Ни слуху, ни духу. Ведь на работу куда-то устроиться надо, поесть, жилье снять. А времена то нынче, какие стали, всем трудно, а молодежи и подавно, – оправдывала мать сына.

– А денег много проездил? – не унималась соседка.

– Порядочно. Тыщ двадцать с лишком, – вздохнула мать, и тут же встрепенувшись, добавила: – Сейчас это не деньги. Главное, что живой вернулся. А то такие страсти по телику покажут, ночь потом не спишь, все о сынке думаешь. Как он там бедненький. Где-то мотается по чужим углам, а может, обижает его кто, – запричитала мать.

Ленька лежал на кровати и через открытое окно слышал весь разговор. Его мучили угрызения совести, что он проездил почти годовую материну пенсию. Он успокаивал себя тем, что сможет отдать ей эти деньги, как только устроится на работу.

– Никогда больше не поеду в этот дурацкий город, – «грыз» себя Ленька. – Нечего там ловить. Чужой и суетливый. Много раз был в Барнауле, но чтобы жить. Не-е-е, увольте. Пусть дураки туда бегут. А мы уж здесь, в своем районном центре проживем, – сделал про себя вывод Леня.

Ленька был мастер по плотницким делам и работал в Алейском ЖЭКе. Кроме того, к нему шли «свои люди» в основном соседи, да знакомые. Он не отказывал никому – и лавку смастерить, и дверь поправить.

– Это меня мой дружок с панталыку сбил, – вспоминал Леня о друге, который пригласил на заработки в краевой центр. – Это Макс, будь он не ладен. Поехали, там, таких как мы, с руками оторвут. Ага.... Оторвут. Как же держи карман шире. Хорошо, что еще голову не оторвали, – с отчаянием думал о своей шабашке Леня.

Тут он через открытое окно услышал голос своего друга Пашки.

– Леха! Выходи, подлый трус. Хватит прятаться! – засмеялся друг, заглядывая с улицы в открытое окно.

Леня, приветствуя, махнул другу рукой и встал.

– Ты чего это нашего общества избегаешь? Зазнался от столичной жизни? – шутя, спросил Паша.

– Нет. Просто как-то чувствую себя не в своей тарелке, – стал оправдываться Леня.

– Я понимаю. Переаклиматизация еще. Ничего, пару деньков и привыкнешь, – поддерживал Леньку друг.

– Мое место еще не занято? – осторожно спросил Леня.

– Да кто ж его займет? Такого мастера как ты еще поискать надо, – ответил с гордостью Паша.

Леня тяжело вздохнул. – Тогда завтра на работу и выйду. Матери надо долг отдавать, что брал на поездку.

– Ничего, это ты быстро. Что, не понравилось в большом городе? – подмигнул Паша.

– Да, Макс этот. Свяжешься с ним. Вечно в какую-нибудь историю вляпaeшься. Кем мы там только не работали – и дворниками, и продавцами, и отделочниками. Оттуда вообще еле ноги унесли с этих отделочников то. Нас самих отделали, будь здоров, – взволнованно рассказывал Лeня.

– Да уж..... Везде хорошо, где нас нет. А ну его этот Барнаул? Подними руку и отпусти, – хихикнул Пашка.

– Это точно. Не городские мы люди, – немного помолчав, улыбнулся в ответ Лeня.

– Тогда по пивку? Я угощаю в честь такого дела, – предложил Паша.

– По пивку. Теперь из своего Алейска ни ногой, краше все равно не найдешь. Как говорят, где родился тем и пригодился.

– Согласен. Забыли?

– Забыли, – подтвердил Лeнька уже другим тоном, и друзья отправились за пивом.

Май, 2009 г.

Один в поле воин

Было утро. Верка, как всегда шла на работу своим излюбленным маршрутом – мимо дома-интерната для престарелых. Навстречу ей ковылял старик, который, как, оказалось, разговаривал сам с собой.

– Тыфу ты черт, не везет же мне сегодня, – бубнил он себе под нос и зло сверкнул на нее глазами.

– Ты чего дед с утра пораньше ругаешься? – улыбаясь, спросила Вера.

– Да загадал себе небольшое желаньице. Так вот думаю, если мужик пойдет, то сбудется желаньице мое, это хорошо, к удаче. А если баба, то все, полный провал, – еще больше разнервничался дед. – Вот уже полчаса стою, а тут ты идешь. Так что все, амба.

Верка вместо того, чтобы рассердиться, покрутить пальцем у виска и пойти дальше, откровенно рассмеялась. У нее в интернате работала знакомая, она и рассказывала про этого деда «с приветом», который смешил работников и всех бабок.

– Ты дедуля, женоненавистник? Откуда такое отношение к противоположному полу?

– Э-эх! Достали меня эти бабки своими нотациями. Пилют и пилют, – огорченно махнул рукой дед. – Цельный день чешут языками, да в карты режутся.

– Ладно, пойду я, дед, – улыбнулась с грустью Вера.

– Постой, – окликнул ее старик. – Ты это, прости старого дурака, – извинился он.

– Почему дурака? – попробовала отшутиться Вера.

– А тут умному не выжить. Мозги понемногу «вытекают» от безделья. Вот и шороху иногда подкидываю бабкам своим, – как-то натянуто засмеялся дед.

Вера повернулась и протянула руку: – Меня Вера зовут.

– Я знаю тебя, ты тут часто шлындаешь, – улыбнулся старик своей беззубой улыбкой. – Дед Сеня, – поймал он двумя своими костлявыми руками ее руку и долго тряс.

– Почему такие руки холодные, дед Сень? – спросила Верка у растроганного старика.

– Так ведь замерз я, долго стоял на этом посту, караулил, кто первый пойдет, я ж говорил тебе, – напомнил Вере дед.

– Считай, что день не задался и желание не исполнится, зря стоял и мерз, – произнесла огорченно Вера.

– Н-е-е-т! Ты что! Я с тобой познакомился. Хоть с нормальным человеком поговорить. А то старухи мои как с утра заведут пластинку про свои болячки, да кто что во сне видел – хоть волком вой.

– Ладо, дедушка, иди, грейся и завтракай, поговорим еще, – улыбнулась Вера и пошла на работу.

Каждый день дед Сеня встречал Веру с работы, прогуливаясь по территории интерната. Вера привязалась к нему, ей было жалко старика. Она всячески его подбадривала и иногда угощала чем-нибудь вкусненьким. Однажды, Верка приболела и неделю сидела дома.

– Представляешь, твоего деда выгоняют, – сообщила после Веркиных расспросов работница интерната.

– За что? – не на шутку встревожилась Вера.

– Дед последние три дня так «закеросинил» и конечно, немного почудил, – засмеялась знакомая.

– И что теперь будет? Кому он нужен?

– Не беспокойся, дед нужный. Он большую пенсию получает, орденосец все-таки. Он войну прошел, здесь на Алтае целину поднимали, женился, так и остался, как и многие целинники.

– Так у него есть дети? – простодушно спросила Вера.

- Ну, ты и наивная, – хмыкнула знакомая. – Конечно, двое непутевых.
- Почему непутевых? Откуда ты знаешь? – допытывалась Вера.
- Путевые никогда не бросили бы старика. Это все равно, что свое дитя бросить на произвол судьбы. Он про них ни дурного, ни хорошего. Говорит, что сам ушел, чтобы не мешаться.
- Что же делать? – беспокоилась Вера о своем подопечном.
- Все утрясется. Конечно, деду «втык» будет за его проделки. Но на улицу его не выставят.
- Может, его к себе забрать? – задумчиво произнесла Вера.
- Че? Да на фига он тебе нужен? – возмутилась знакомая. – У нас, что детей, что стариков все интернаты забиты. И что теперь каждого подбирать? – распалялась она.
- Но ведь это неправильно, – возразила Вера. – Если все так будем думать, повыйрем скоро как мамонты.
- Правильно или нет, не нам решать, а нашему руководству, – многозначительно подняла палец женщина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.